

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ XVIII ВЕКА
И ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ
ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ
ПЕРИОД: «ОТЕЧЕСКИЕ СОВЕТЫ ДОЧЕРИ»
И.Г. КАМПЕ (1789) И ЖУРНАЛ «МАРУСЯ»¹**

Аннотация: В статье рассматриваются концепции гендерной социализации девочек-подростков, предложенные общественно-педагогической мыслью XVIII века, и их влияние на конструирование гендерных моделей в конце XX века. Сопоставляется текст одной из первых книг для девочек – «Отеческие советы моей дочери» И.Г. Кампе (1789) и контент первого современного российского журнала для девочек «Маруся» (выходит с 1992 года). Сравнительный анализ позволяет сделать вывод о том, что воспитательные модели эпохи Просвещения оказываются востребованными в ситуации конструирования «новой женственности» в российских реалиях 1990-х годов. В результате кардинальных социально-политических потрясений, происходивших в нашей стране в период распада Советского Союза, в вопросе гендерной стратификации обозначился отход к более консервативным концепциям, базирующимся, как и в эпоху Просвещения, на эссенциалистских представлениях о роли женщины в обществе.

Ключевые слова: детская литература, гендерные модели, гендерная социализация, девочки, подростки, журналистика.

Детская литература XVIII века в художественном отношении давно стала реликтом. Тексты, написанные Фенелоном, Кампе, Вейсе, Дёрриен, Овербеком, Роховым, Беркеном, Дюкре-Дюменилем, Болотовым, Шишковым и прочими педагогами и писателями эпохи Просвещения, вышли из обихода уже к середине XIX века, романы мадам Жанлис задержались в круге чтения юношества немногим дольше – до конца XIX века, но и они превратились в литературные памятники. Между тем идеи, концепции, новаторские приемы и открытия детской литературы XVIII века – времени, когда она, практически с нуля, создавалась в контексте бурных социально-политических событий и бес-

прецедентно активной общественной мысли, получили куда более долгую жизнь и продолжают резонировать в детской литературе, публицистике и педагогике на протяжении всей последующей истории. В данной статье предпринята попытка рассмотреть как педагогические концепции гендерной социализации девочек, предложенные общественной мыслью эпохи Просвещения и нашедшие свое отражение в литературе, адресованной юношеству, оказываются востребованными в ситуации конструирования «новой женственности» в российских реалиях 1990-х годов, обусловленных кардинальными социально-политическими переменами в жизни страны.

XVIII век стал эпохой, когда «женский вопрос» впервые был поднят как общественно важный и послужил предметом широких дискуссий. Ряд исследователей относит к этому периоду зарождение феминизма и отмечает, что к середине XVIII века «женщины уже не были молчаливым большинством и их уже было невозможно исключить из обсуждения общественных проблем» [Брайсон 2001: 23]. Несмотря на то, что большинство представителей просветительской мысли, писавших об этом вопросе, придерживались консервативно-патриархатных взглядов и выступали против женской эмансипации, активная общественная дискуссия наряду с политическими и социально-экономическими изменениями привела, в частности, к более широкому распространению обучения девочек, раздвинула его границы и положила начало систематическому образованию для представительниц привилегированных социо-культурных страт.

Эти процессы нашли отражение и в детской литературе – девочки становятся полноправными героями нравоучительной прозы и поэзии для детей, книги и журналы адресуются «благовоспитываемому российскому юношеству обоого пола», появляются первые книги для девочек. Одной из них стало сочинение немецкого педагога Иоахима Генриха Кампе (1746–1818) «Väterlicher Rath für meine Tochter. Ein Gegenstück zum Theophron, der erwachsenen weiblichen Jugend gewidmet», изданного в России под заглавием «Отеческие советы моей дочери» в 1803 г. Фрагменты этого произведения сначала печатались в педагогическом «Брауншвейгском журнале», основанном Кампе в 1788 г., а в 1789 г. вышли отдельной книгой в Брауншвейге в издательстве Кампе [Evers 1982: 626].

«Отеческие советы...» написаны в форме традиционной для нравоучительной литературы того времени – это монолог отца, обращенный к своей дочери. Но в ситуации Кампе это был не только литературный прием, книга адресована (хотя и без посвящения) его младшей дочери Шарлотте (1774–1834), которой на тот момент исполнилось 15 лет. В литературно-педагогической деятельности Кампе «Отеческие советы

моей дочери» идут в паре с его нравоучительной книгой для юношей «Геофрон или опытный советник для неопытной молодежи», изданной в 1783 году в Гамбурге, что позволяет судить о неслучайном интересе Кампе к проблемам гендерного воспитания и о том, что содержание этих книг виделось ему как целостная система такого воспитания.

Кампе пишет, что основная цель его сочинения заключается в том, чтобы в беседе с дочерью научить её «как поступать сообразно с намерениями Творца, достигнуть чистого источника благополучия, которое никогда не исчезнет» [Кампе 1803: 8], раскрыть ей, в чем заключается «особенное её определение – определение женщины» [Кампе 1803: 9], и показать как именно можно достичь собственного счастья и уважения «почтенных людей», исполнив роль Супруги, Матери и Хозяйки¹ [Кампе 1803: 12–13]. Он отмечает, что книг, которые могли бы облегчить труд девушек «в постижении сей важной и достойной человека науки, <...> у нас немного», и, в качестве образца таких сочинений называет «Воспитание девиц» Фенелона (1687) [Кампе 1803: 98–99]. Себя Кампе характеризует как автора, который будет вынужден говорить девушкам ради их блага нелицеприятные вещи, неоднократно замечая на страницах книги, что «почти все будут огорчены против меня» [Кампе 1803: 96]. Кампе яростно полемизирует с эмансипаторскими идеями, которые предполагают, что для женщины возможны какие-то занятия вне сферы брака и домашнего хозяйства, но на сегодняшний день неясно, имел ли он в виду какие-то конкретные сочинения или его тревожили эмансипаторские тенденции в социуме, в частности, расширение образовательного контента для девушек, начавшего выходить за рамки базовых научных сведений и обучения домоводству.

Разумеется, наиболее значительным, широко известным и дискуссионным сочинением того периода, касающимся воспитания девочек, был фрагмент из трактата Ж.-Ж. Руссо «Эмиль или о воспитании» (1762) – «Софи, или Женщина». Этот текст не был обращен к девочкам-подросткам, сам роман имел скандальную репутацию, поэтому Кампе планирует познакомить с ним своих читательниц лишь когда они станут старше, а текст Руссо будет переработан специально для чтения девушек. «...Через несколько лет прочту тебе обработанного мной и моими приятелями Руссова Эмиля...» – обещает своей читательнице Кампе [Кампе 1803: 107]. Однако содержание «Отеческих советов...» свидетельствует о том, что в их основу уже была положена концепция Руссо, детализированная и адаптированная для чтения де-

¹ Эти слова пишутся со строчных букв в русском переводе. В дальнейшем в цитатах сохранена орфография и пунктуация текста русского перевода издания 1803 г.

вушек «посредственного состояния» [Кампе 1803: 36], (как характеризует социальную принадлежность своих читательниц сам Кампе).

На первый взгляд, кажется, что Кампе выходит за рамки дискриминационного эссенциализма Руссо, который не предполагает для девушки никакой иной социализации, кроме той, которая связана с обслуживанием супруга и деторождением¹. В «Отеческих советах...» Кампе достаточно открыто для своей эпохи описывает дискриминацию женщин, причем делает это в нравоучительно-педагогическом тексте, обращенном к девушкам-читательницам. Он пишет, что должен откровенно сказать своей дочери, что женщина занимает в обществе неблагоприятное и подчиненное положение:

Но существенное, и весьма тягостное зло для твоего пола найдешь ты со стороны предрассудков, моды, обычаев и гражданских установлений <...> Вот действительные тираны вашего пола, ибо они почти единственно к тому клонятся, чтобы ваш пол ослабить и унижить, как по душе, так и по телу, чтобы все силы ваши и способности подавить, <...> вселить в вас малодушие и низкие мысли, <...> сделать вас слабыми, боязливыми, унылыми и беспомощными. К тому клонится все ваше воспитание, установленное предрассудками, ваша ненатуральная одежда, всему препятствующая, ваши бездельные упражнения и весь род вашей жизни. К тому осуждают вас безумные понятия <...> о том, что благопристойно и неблагопристойно. Тысячи вольностей прощаются мужчине по обычаю светскому – вам ни одной! Тысяча безвредных, и самих по себе невинных вещей, способствующих укреплению телесному и образованию душевному, позволены мужчине – вам никак!

<...> Ты, дочь моя, должна при всяком шаге, при всяком, даже малейшем своем поступке смотреть не только на существенную нравственную суть оного, но и на то – «что скажут о тебе люди?» Может быть, ты чувствуешь в себе способности душевные и побуждение к общепольной деятельности, желаешь оправлять важные должности, иметь участие в общественных делах и отличить себя великими и преславными подвигами: но законы гражданские преграждают тебе путь <...> препятствуют тебе, мужчины занимают почти все посты, где можно показать что-либо славное или великое, и, как скоро ты бы хотела поступить на такое место, то получила бы унижительный отказ и принуждена была бы возвратиться в небольшой круг, определенный вашему полу; круга правда важный, однако со всех сторон ограниченный, где едва ли можешь ты отличиться [Кампе 1803: 23–25].

Но дальнейшая стратегия поведения и социализации, которую Кампе предлагает девушкам, вполне коррелирует с концепцией Руссо.

¹ См. напр.: «...Таким образом, все воспитание женщин должно иметь отношение к мужчинам. Нравиться этим последним, быть им полезными, снискивать их любовь к себе и почтение, воспитывать их в молодости, заботиться о них, когда вырастут, давать им советы, утешать, делать жизнь их приятною и сладкою — вот обязанности женщин во все времена, вот чему нужно научить их с детства. Пока мы не поднимемся до этого принципа <...> все наставления, которые будут преподносить им, нисколько не послужат ни для их счастья, ни для нашего <...> зависимость — естественное состояние для женщин, девушки чувствуют себя созданными для повиновения» [Руссо].

Кампе считает, что существующее положение вещей измениться не может, в том числе и потому, что социальная функция женщины полностью определяется её биологическими особенностями и отличиями от мужчины, следовательно, она призвана быть только супругой, матерью и хозяйкой: «<...> должна разделить существование свое между детской, кухней, погребом и амбаром» [Кампе 1803: 91]. Кампе решительно отказывает девушкам в праве заниматься чем-либо, кроме домашнего хозяйства и много страниц посвящает тому, чтобы предостеречь их от этих пагубных желаний:

Всякий человек, от Царя до последнего его подданного, имеет неоспоримое право развивать все свои способности, образовать и совершенствовать все свои дарования, коих семена посеяла в нем сама природа, – без исключения. <...> но всегда соответственно с тем званием, для которого он избран.

Теперь обратимся к тебе, дочь моя! <...> Все твои способности и дарования, как телесные, так душевные, нравственные и умственные, сколько тебе возможно тщательно и усердно развивать, укреплять и образовывать – но твердо помни! – всегда только по отношению к определенному тебе званию яко женщины, и только на тех предметах и теми способами, которые находятся внутри границ твоего женского звания [Кампе 1803: 5–6].

Особо яростно Кампе нападает на стремление женщин к ложной, по его мнению, учености:

Ибо скажи мне, дочь моя! На что женщине вообще, или супруге, или хозяйке в особенности науки и ученые сведения <...>, если она не может употреблять их в пользу ни на кухне, ни в кладовой, ни даже в кругу своих приятельниц? [Кампе 1803: 43]

Гораздо приятнее и утешительнее для мужа будет видеть чистоту и порядок в доме, гораздо приятнее вместо всяких диссертаций и ученых разговоров слышать счет, который она предложит ему о своих экономических распоряжениях <...> муж, уклоняясь от важных и тягостных дел своих к покою, охотно примет участие в забавах своих невинных детей, станет шутить с ними и играть, и в сих веселостях забудет на время свои книги <...>. Простота и невинность детей, и, хотя не ученый, однако здоровый и хорошо образованный рассудок их достойной матери доставят ему гораздо приятнейшее утешение, нежели ученая жена со всеми её обширными познаниями. Итак, ученые познания <...> не могут принадлежать к достоинствам хорошей супруги. На что же они? [Кампе 1803: 46]

Он не жалеет красок, рисуя какие несчастья постигают семью, где женщины впали в подобные соблазны: «зараза учености», «излишняя охота к чтению» погубили уже «премногие фамилии, особливо в высшем свете» [Кампе 1803: 53]. Стоит женщине вступить на этот путь:

...и прости любезная связь детей и родителей, мужа и жены, господ и слуг! Всеобщая расстройка будет царствовать во всем доме, беспрестанное разногласие, прерываемое вздохами и горестными жалобами [Кампе 1803: 53].

Кампе пишет, что ученость пагубно сказывается на здоровье девушек, она изнуряет их тела, сводит с ума, и что мужчины, не допуская женщин к учености, жертвуют собой, принимая бремя энтузиастов науки на себя добровольно. Семьи женщин, увлеченных беспорядочным чтением, или того хуже сочинительством, обречены на гибель. Женщина, беспорядочно читающая, оторвана от реального мира, многое в нем ей представляется грубым, скучным, она больше непригодна «исполнять каждодневную грязную работу», и все хозяйство такой мечтательницы рушится и разваливается: «дети её уже невозвратно погублены и никогда уже не можно привести их на дорогу жизни весёлой, деятельной и счастливой!» – восклицает автор [Кампе 1803: 62].

Остальные части «Отеческих советов...» посвящены искусству быть женщиной: Кампе детально рассказывает, как нужно овладевать такими добродетелями, как кротость, уступчивость, здравомыслие, «особый женский ум», любовь к порядку, бережливость, хозяйственность и пр., неизменно подчеркивая, что для этого его читательницам потребуется проявить незаурядную волю. В ситуации, когда женщине «Натурой и обществом» предписывается быть «вторым звеном» [Кампе 1803: 229], Кампе призывает девушек направить все свои силы на то, чтобы стать идеальными супругами, матерями и хозяйками, смягчить своим благоразумием мужской деспотизм и принести пользу обществу. «Ты, дочь моя, – пишет он, – наблюдай следующее правило благоразумия: ожидай не самого худшего, но и не самого лучшего; а готовься к тому, что есть среднее между тем и другим» [Кампе 1803: 21].

В заключение своего труда Кампе, вслед за Руссо, призывает своих юных читательниц отказаться от «независимой воли, особливо от капризов и оставить всякое сопротивление», полностью подчиниться воле мужа, «жить только для него и единственно в нем <...> и не употреблять против него никакого другого оружия, кроме того, которое тебе дала сама Природа – уступчивость, кротость и нежные ласки» [Кампе 1803: 230], подчеркивая, что только этот путь может привести девушку к подлинному блаженству, счастью и исполнению воли Провидения.

Несмотря на всю свою архаичность, концепция гендерной социализации девочек, предложенная в XVIII веке, продолжает быть востребованной вплоть до сегодняшнего времени, причем, практически без каких бы то ни было существенных трансформаций. Её основные установки транслируются не только в рамках маргинальных культурных дискурсов (напр., религиозного фундаментализма, консьюмеризма, радикальных неформальных движений¹ и пр.), но и входят в поле

¹ Например, так называемого «Мужского Движения» в России, субкультуры «инселов» (insel) в США и пр.

современной российской официальной и массовой культуры, в виде, например, методических материалов по гендерному («половому») воспитанию, рекламы, литературы и публицистики для детей и подростков и пр. Хотя, казалось бы, идея о нежелательности участия женщин в профессиональной сфере, в деятельности вне своей семьи, уже была преодолена в XX веке – и, прежде всего, в СССР. И в целом, система гендерной социализации в советскую эпоху, при всей своей очевидной патриархатной асимметрии, может быть оценена как более прогрессивная по отношению к предшествующим эпохам. Однако в ситуации кардинальных социально-политических потрясений, происходивших в нашей стране в период распада Советского Союза в вопросе гендерной стратификации обозначился отход к более консервативным концепциям, базирующимся, как и в эпоху Просвещения, на эссенциалистских представлениях о роли женщины в обществе. И первыми площадками для трансляции концепций «новой женственности» выступили журналы для девочек, которые стали одним из феноменов новой политической и социально-культурной реальности, обозначившейся в России в начале 1990-х годов. Можно сказать, что их появление стало своего рода маркером кардинальных перемен, наступивших в стране.

Если в советское время существовали специальные журналы для женщин (самые популярные из них «Работница» и «Крестьянка»), то для девочек подобных изданий не было. Выходили специализированные журналы для школьников и подростков, пользовавшиеся огромной популярностью у читателей, аудитория которых по замыслу издателей не должны была быть разделана на мальчиков и девочек, эти журналы обращались ко всем советским школьникам в целом. Это журналы «Пионер», «Костер», «Ровесник», «Искорка» и пр. Журналы различались по своему направлению, но общим в них было одно – тема сексуальности и телесности почти полностью табуировалась, тема подростковой любви и взаимоотношений между полами затрагивалась редко и по умолчанию относилась к темам «для девочек», тема гомосексуальности находилась под полным запретом. Немногочисленные художественные тексты и материалы для девочек печатались, как правило, после других материалов, в порядке публикации которых соблюдалась жесткая иерархия: сначала шли художественные и публицистически тексты общественно политического характера – например, романы, повести рассказы о революции, войне, социалистическом строительстве), затем гендерно-нейтральные произведения реалистического жанра (например, повести о школе), а затем могли быть уже напечатаны тексты, относящиеся к массовой литературе (приключения, фантастические повести, сказки) или имеющие гендерно выраженную тематику, где главной героиней является девочка, и речь идет о специфиче-

ских реалиях, связанных с социализацией девочек. Впрочем, таких материалов было немного и чаще всего они размещались в мартовских выпусках журналов, будучи приурочены таким образом к Международному женскому дню 8 Марта.

В этой связи необходимо сказать несколько слов о тех моделях женственности, которые репрезентировались на страницах этих журналов и в целом были характерны для педагогического дискурса советского периода. Эти модели на сегодняшний день уже достаточно хорошо изучены исследователями и определены как «революционный трансвестизм» [Трофимова 2001], что означает, что советская женщина должна сочетать в себе лучше качества мужского и женского, изживать в себе «буржуазную женственность», в то же время, оставаясь «женственной» в соответствии с советскими нормами, и, присваивая себе маскулинные черты, не слишком переусердствовать, потому что главенствующее место в иерархии принадлежит мужчине с его подлинной маскулинностью. К периоду поздней советской эпохи, в 1970-х–1980-х годах этот «революционный трансвестизм» давно утратил свою революционность, будучи освоен и присвоен советской реальностью, которая транслировала девочкам двойное послание: умеренное проявление женственности одобряется, сексуальность – осуждается, излишнее внимание к внешности и нарядам – не приветствуется, предпочтение отдается внутренней, «духовной», нравственной красоте; хорошо воспитывать в себе качества, считающиеся типично мужскими – выносливость, смелость, настойчивость, благородство, верность слову, но нельзя претендовать на позиции мальчиков в гендерной иерархии и пытаться её преодолеть, уметь хозяйничать и руководничать в целом неплохо для девочки, но эти занятия менее ценны, чем мужские, исключительно домашними заботами живут только ограниченные мещанки и т.д. Разумеется, в реальности картина была более сложной и объемной, но детские журналы транслировали её довольно прямолинейно.

Так в самом обобщенном виде выглядела репрезентация гендерной модели в советских журналах для подростков на момент кардинальной смены политической и общественной парадигмы. Журналы 1990-х годов были сформированы этой сменой и призваны её отразить. В исследовании М. Гудовой и И. Ракиповой контент женских журналов, появившихся после перестройки, охарактеризован как «механизм вытеснения советских экзистенциальных структур идентичности» [Гудова, Ракипова 2010: 181], подобный процесс происходил и в периодике для подростков.

Первым специальным изданием для девочек стал журнал «Маруся», который в 1991 году начал выходить как новый журнал для детей

под заглавием «Карусель» (причем, возрастная аудитория была неопределенна, наряду с материалами для самых маленьких тут печатались и материалы для подростков), но с 1992 года объявил себя журналом только для девочек, «а также мам и бабушек» [Маруся 1992: 2], и на протяжении пяти лет был единственным журналом для девочек. В 1996 году появился журнал «Штучка», в 1997 году – журнал «Cool» и др.

Если мы обратимся к общественной рецепции журналов для девочек, то увидим, что одним из магистральных мнения будет охранительная оценка – шок представителей разных советских поклонений – родителей, учителей, библиотекарей и пр., столкнувшихся с тем, что тема телесности и секса перестала быть табуированной. Однако если сравнить контент журналов советской эпохи и нового журнала для девочек, то мы увидим резкий поворот и даже скачок в сторону так называемых «традиционных гендерных ценностей». Более пристальный анализ содержания позволяет судить о том, что формирование модели «новой женственности» происходит в ситуации определенной растерянности, и выяснить, что те или иные создатели этой модели (в данном случае – издатели и авторы журнала «Маруся») обращаются не только к эмансипаторским, но и к консервативным взглядам на социальную роль и функцию женщины. Девочкам-подросткам 1990-х годов были стремительно возвращены тело и сексуальность, но социальное поле резко сузилось.

Кажется, что в конце XX века уже невозможно говорить о социализации девушек исключительно в рамках семейной жизни и ведения домашнего хозяйства. Действительно, в журнале «Маруся» нигде не говорится о том, что образование вредно, а профессия не нужна. Более того, почти в каждом номере этих журналов размещается репортаж о девушке, сделавшей карьеру в той или иной области. Однако посмотрим, на какой круг профессий ориентируют своих читательниц журналы – чаще всего, это модели, певицы, актрисы, дизайнеры и стилисты, реже (единичные упоминания) – кондитер, повар, учительница музыки, воспитательница детского сада, педиатр и пр. Как мы видим, и самые популярные профессии все равно ограничены особой биосоциальной ситуацией женщины – они связаны или с презентацией сексуальности и стандартов красоты (стилисты, дизайнеры, модели, певицы) или с домашним хозяйством и воспитанием детей (повар, воспитательница, детский доктор). Нет здесь упоминания о пугавших когда-то Кампе диссертациях, научных диспутах, а также беспорядочном чтении. Иногда эта заданность «оставаться в границах женского звания» не прописана в тексте, а передается через визуальный ряд, как, например, в публикации о «девочке-вундеркинде» Ане Смородской: в тексте заметки говорится о разносторонних и серьезных интересах

14-тилетней Ани – она закончила музыкальную школу, занимается художественной гимнастикой, изучает иностранные языки, собирается стать юристом и пр., но на фотографиях, иллюстрирующих заметку, Аня изображена за приготовлением еды на кухне и в спальне с мягкими игрушками в руках [Ларина 1994: 4–5].

На страницах журналов не декларируется, что женщина должна быть, прежде всего, женой и хозяйкой, но контент журналов подчеркивает важность этих составляющих. Уборка в доме, приготовление пищи постулируются как неизбежные и обязательные занятия для девочек, причем в определенной степени идеологизируются – например, в каждом номере журнал «Маруся» есть кулинарный раздел, где, наряду с рецептами блюд эпохи дефицита продуктов, практически каждый раз подчеркивается, что девочка готовит не просто так, а для своего парня (возлюбленного, будущего мужа, в крайнем случае – для родителей, братьев и сестер), в ряде номеров эта рубрика так и называется «Еда для двоих». «Экзотические рецепты это, конечно, здорово, но одними коктейлями сердце возлюбленного не завоеешь. – Пишет автор заметки «Коктейлем сыт не будешь, или Здравствуй, котлета!» – Прежде всего, каждой девчонке необходимо научиться готовить простые базовые блюда: бульоны, каши, тесто для пирогов» [Чернин 1994: 30]. Уборка дома также не только вменяется в обязанность, но обозначает размытость границы между домом и его хозяйкой (пусть даже зачастую имеется в виду родительский дом), как например, это сделано в заметке Э. Радзинской о стиле, где на вопрос «Как почувствовать себя шикарной?», вынесенный в заголовок, дается решительный ответ: «Прежде всего, наведи чистоту в квартире!» [Радзинская 1994: 12].

С «Отеческими советами...» Кампе журналы для девочек 1990-х годов роднит и социально-экономическая ситуация, когда бережливость, рачительность женщины была особенно важна для благополучия, а то и выживания семьи. Многие страницы сочинения Кампе посвящены восхвалению этого качества и советами о том, как его в себе развить и воспитать. Тот же взгляд транслируют и журналы для девочек 1990-х гг. – здесь масса «советов для бережливых», кулинарных рецептов блюд из самых дешевых и доступных продуктов, советов по переделке старой одежды в модную и т.д. Всячески приветствуется рукоделье, проводятся конкурсы на лучшее вязание, вышивание и т.д. Кампе (как кажется, слегка ворчливо) оговаривается, что пишет свою книгу «для девушек посредственного (среднего) состояния, а что из неё могут почерпнуть особы высшего света, о том судить не может» [Кампе 1803: 36]. Советы, обращенные к немецким девушкам «среднего состояния», оказались вполне созвучны для девушек-подростков из России 1990-х годов.

Центральной проблемой ситуации женщины является брак и отношения с противоположным полом. Как мы видим, Кампе много внимания уделяет этой теме. Замужество он считает главным жизненным проектом женщины, в котором только дарования женщины могут реализоваться с максимальной полнотой. В журнале «Маруся» о замужестве напрямую не говорится (в том числе и в силу возраста читательниц), но «любовь и отношения» по умолчанию считаются самым важным аспектом – как житейским, так и экзистенциальным в жизни девушки.

Характерно и то, что Кампе развивает взгляд на мужчину как на дитя в сфере эмоций и личных взаимоотношений, он пишет, что мужчина, облеченный высокой ответственностью в социальной сфере, выдержанный и стойкий на своем гражданском поприще, дома может быть «гневлив, вспыльчив и опрометчив, как дитя». Супруге он предлагает смягчать буйство мужа кротким нравом и благоразумием. Для этого Кампе призывает девушек активно изучать «природу человеческую», этот предмет он полагает самым важным и главным для образования девушки. Это, по его мнению, поможет будущей жене «проникнуть достигающим оком в самые глубокие извивы сердца своего супруга» [Кампе 1803: 87] и сделаться для него ангелом-хранителем. Подобные стратегии предлагаемая девушкам и журналы для девочек (впрочем, а в целом это характерно для широкого дидактического дискурса в отношении женщин). В журнале «Маруся» начиная с 1993 г. регулярно ведется рубрика «Бойология» (наука от мальчиках), где наряду с популярными знаниями об анатомических, физиологических и психологических особенностях развития юношей, неизменно проводится мысль о том, что забота об «отношениях» является прерогативой девушек, что девушкам присущ больший «эмоциональный интеллект», поэтому в этой сфере на ней лежит больше ответственности или даже вся ответственность целиком. Причем инфантилизм юношей нередко подчеркивается, как неотъемлемая мужская черта.

Таких текстуальных переключек ещё довольно много (например, интересны сопоставление взглядов на женское целомудрие, женскую красоту, отношение к моде и пр.), но основным является то, что гендерная концепция, транслируемая Кампе, достаточно консервативная даже для своей эпохи, воспроизводится на страницах первого российского журнала для девочек, и в определенной степени является регрессивной по отношению к предшествующей советской эпохе.

Кампе, говоря о самом главном долге женщины – как человека и гражданки, оценивает значение женщин в социуме очень высоко:

Всесильный, хотя и слабый пол! Чего не может произвести твое хотя и неприметное, но действенное влияние на мужа, а через него и на дела общественные, на благосостояние или упадок гражданского общества? Ты

первая и побудительная причина, приводящая все в движение, силы нравственные и политические от тебя получают первое побуждение и направление [Кампе 1803: 16]

Но влияние это женщина может оказывать лишь опосредовано – через влияние на мужа и воспитание детей. Журналы для подростков, подобно Кампе, затрагивают тему дискриминации женщин (не достигая его драматизма), но подобно ему дают понять своим читательницам, что ситуация не изменится и призывают девочек к умеренным стратегиями социализации в мире мужчин:

Давайте и мы с вами не будем ни синими, ни красными чулками¹, а будем женственными, будем уважать себя и заставим парней уважать нас. Парней, которых есть за что любить, даже если они немного «первобытны» [Ева против Адама 1994, 21].

ЛИТЕРАТУРА

- Ева против Адама // Маруся. 1994. № 7. С. 20-21.
- Кампе И.-Г. Отечественные советы моей дочери. / пер. с нем. Г. Яценко. СПб.: Печ. при I Кадетском корпусе, 1803.
- Ларина И. Аня Смородская: У меня получается всё! // Маруся. 1994. № 3. С. 4-5.
- Маруся. 1992. № 2. С. 2.
- Радзинская Э. Как почувствовать себя шикарней? // Маруся. 1993. № 2. С. 12-13.
- Руссо Ж.-Ж. Софи, или Женщина // Руссо Ж.-Ж. Эмиль или о воспитании. (электронное издание).
- Чернин А. Коктейлем сыт не будешь // Маруся. 1994. № 3. С. 30.
- Evers H.-H. Handbuch zur Kinder – und Jugendliteratur. Von 1750 bis 1800. Stuttgart: J.-B. Metzler, 1982.
- Брайсон В. Политическая теория феминизма. М.: Идея-пресс, 2001.
- Гудова М., Ракипова И. Женские глянцево-журналы: Хронотоп воображаемой повседневности. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2010.
- Трофимова Е. Еще раз о «Гадюке» Алексея Толстого (попытка гендерного анализа) // Филологические науки. 2001. № 3. С. 70-80.

¹ В данном случае под «красными чулками» подразумеваются представительницы радикального феминизма.

REFERENCES

- Eva protiv Adama // Marusya. 1994. № 7. S. 20-21.
- Kampe I.-G.* Otecheskie sovety moey docheri. / per. s nem. G. Yatsenko. SPb.: Pech. pri I Kadetskom korpuse, 1803.
- Larina I.* Anya Smorodskaya: U menya poluchaetsya vse! // Marusya. 1994. № 3. S. 4-5.
- Marusya. 1992. № 2. S. 2.
- Radzinskaya E.* Kak pochuvstvovat' sebya shikarnoy? // Marusya. 1993. № 2. S. 12-13.
- Russo Zh.-Zh.* Sofi, ili Zhenshchina // Russo Zh.-Zh. Emil' ili o vospitanii. (elektronnoe izdanie).
- Chernin A.* Kokteylem syt ne budesh' // Marusya. 1994. № 3. S. 30.
- Evers H.-H.* Handbuch zur Kinder – und Jugendliteratur. Von 1750 bis 1800. Stuttgart: J.-B. Metzler, 1982.
- Brayson V.* Politicheskaya teoriya feminizma. M.: Ideya-press, 2001.
- Gudova M., Rakipova I.* Zhenskie glyantsevye zhurnaly: Khronotop vobrazhaemoy povsednevnosti. Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 2010.
- Trofimova E.* Eshche raz o «Gadyuke» Aleksey Tolstogo (popytka gendernogo analiza) // Filologicheskie nauki. 2001. № 3. S. 70-80.